Козетта нервно ходила взад-вперед по своей комнате, не подозревая, что прикусила кончик большого пальца. Она хотела присоединиться к Конраду и Максену, просто чтобы убедиться, что ее отец не скажет ничего, что могло бы спровоцировать процесс становления злодея. Все усилия, направленные на то, чтобы завоевать доверие Максена, пойдут насмарку, если это произойдет.

— Юная мисс, вот ваша… — Лючия замолчала, когда вошла в комнату молодой мисс, поймав последнюю в шагах взад-вперед, даже не заметив ее присутствия. Она вздохнула, но затем хитро улыбнулась.

— Юная мисс, — тихо позвала она, войдя в комнату, неся поднос со стаканом молока на нем. Это заставило Козетту вздрогнуть и вернуться в себя.

— Няня Лючия! — воскликнул она, похлопав себя по груди, так как она не замечала Лючию, пока не поймала свою тень, растянувшуюся до ее ног. — Боже мой! Когда ты пришла?

— Только что, юная мисс, — Лючия усмехнулась, ставя стакан с молоком на тумбочку. — Вы беспокоитесь о сэре Кловене и господине?

Ее вопрос немедленно заставил Козетту нахмуриться, когда она волочила ноги и бросилась на кровать. Глядя в потолок, она повернула голову только для того, чтобы увидеть нежную улыбку Лючии с перевернутого ракурса.

— Няня Лючия, как ты думаешь, что папе нужно от Максена? — спросила она голосом, полным беспокойства.

— Юная мисс… — Лючия осторожно села на край кровати, не сводя с нее нежных глаз. — Какова бы ни была причина, по которой господин пригласил сэра Кловена в свой кабинет, я уверена, что беспокоиться не о чем. Вы все еще не доверяете господину?

Козетта продолжала хмуриться, когда она вздохнула. — Это не так, Нана. Просто… Максен через многое прошел, — она перевела взгляд с Лючии на потолок.

— Я знаю, что папа — лучший из лучших и самый красивый отец на всей планете. Но дело в том, что жизнь Максена была ничем иным, как чередой несчастий и трагедий. Люди всегда обращаются с ним ужасно несправедливо и даже издеваются над ним. Это даже не преувеличение, что этот мир против Макса, — продолжила она, сдерживая слезы, думая о том, что она видела до сих пор, что даже не вошло в роман. — Хотя он довольно груб, отталкивание людей — это всего лишь его защитный механизм, чтобы защитить себя. Все, что ему нужно — это немного доброты и понимания… достаточно немного тепла.

Глаза Лючии смягчились, поскольку забота Козетты о Максене также тронула ее. Она до сих пор помнила время, когда Козетта моргала глазом на других людей, поскольку она всегда была занята, глядя на свою цель. Так что ее сердце успокоилось от того, что Козетта, взросление которой она наблюдала, начала испытывать некоторое сострадание к другим.

— Юная мисс, — уговорила она, отрегулировав сиденье так, чтобы можно было помассировать голову. — Господин, хотя он изо всех сил пытается выразить свое сердце, я уверена, что он понимает ваше. Он не сделает или не скажет ничего, что поставит под угрозу вашу дружбу с сэром Кловеном.

Козетта прикусила нижнюю губу, глядя в пару нежных глаз, нависших над ней. Лючия

ободряюще кивнула.

— Не волнуйся. Я положа руку на сердце говорю, что все будет хорошо.

— Нана…

— Так что, больше не волнуйтесь и ложитесь пораньше, потому что завтра вы все равно рано будете готовить свои ланч-боксы, — подбодрила она, кивнув. Вскоре Козетта фыркнула и кивнула.

— Ты права. Я все еще могу использовать ланч-боксы как рычаг давления на папу, — Лючия усмехнулась замечаниям Козетты, помогла ей устроиться на кровати и протянула ей стакан молока.

* * *

Тем временем…

Когда Максен вышел из кабинета Конрада, с его губ сорвался неглубокий вздох. Он оглянулся на закрытую дверь с таким непостижимым выражением лица.

Все, что он ожидал услышать от отца Козетты, не последовало. Максен уже подготовил ответ на всякий случай, но ничего. Конрад не только не говорил ему держаться подальше от дочери, но и считал, что чувства Максена и Козетты могут перерасти во что-то более глубокое. И тем не менее, он все равно приветствовал его в своем доме — особняке.

'Он такой же странный, как и эта девушка', — подумал он, но опять же, он не знал, каково это — иметь любящего родителя. Следовательно, это было похоже на загадку для него.

Пока он шел по коридору, Максен сунул руку в карман. 'Очень странно говорить… такому человеку, как я. Как он может доверять кому-то вроде меня? Нет, на самом деле, как они оба могут доверять кому-то вроде меня?'

И отец, и дочь были для него странной парой. Но в глубине души он не мог не улыбнуться. Честно говоря, он почувствовал себя… приветствуемым на этот раз. Слова Конрада о том, что ему все равно, из какой он семьи и о своем прошлом, Максен не ожидал услышать ни от кого.

Ведь все всегда смотрели на прошлое человека и судили по нему. Вот почему Максен никогда не чувствовал необходимости меняться. Что бы он ни делал, его прошлое всегда будет с ним. Кроме того, мир не любил его, чтобы дать ему шанс измениться. Его жизненные обстоятельства с каждым днем становились все тяжелее.

Но с тех пор, как Козетта ворвалась в его жизнь, как дива… это почему-то стало чуть-чуть терпимым.

'Ранить ее…' — он усмехнулся, покачав головой, — '…как будто я могу это сделать'.

Максен все еще считал, что Козетте он никогда не понравится как мужчина. Она была не только красивой, но и происходила из обеспеченной семьи. Причина, по которой он даже не прилагал усилий и не осмелился думать дальше, как Конрад.

Это было просто невозможно.

'Быть ее другом — это… моя финишная черта', — сказал он себе или скорее, убедил себя. — То

единственное, что я могу ей дать, это... дружбу.

Потому что, если бы он думал дальше или хотел больше, чем это, он уже знал результат. Это был его способ защитить себя и Козетту и эту дружбу, которую она создала в одиночку.

'Она не та, о которой я могу так думать', — сказал он себе, мысленно кивая и почесывая затылок. 'Верно. Она вне моей досягаемости'.

Его улыбка осталась, но глаза блестели горечью. Романтически она ему не нравилась, но он и не ненавидел ее. Просто… у него были эти противоречивые чувства. Он обвинил Конрада в том, что он подал ему эту идею. Но все же эта правда о том, что такая наследница, как Козетта, учившаяся в обычной средней школе и общавшаяся со «смертными», была сродни жесткой пощечине.

Она не была той, о которой он должен был даже мечтать. Он не заслуживает ее.

Даже в таком юном возрасте Максен знал, что эти слова станут проклятием, которое он будет повторять годами. Каждый раз, когда она заставляла его сердце трепетать, и каждый раз, когда он будет видеть ее с другим мужчиной, эти слова, которые он говорил себе прямо сейчас, не давали ему поддаться эгоистичному желанию.

http://tl.rulate.ru/book/81004/2697351